

ВОЛКЪ.
СЕРДЦЕ УГАСАЮЩЕЙ ЖИЗНИ

J. R. Crow

ЛитРес:

Сказка на новый лад

J. R. Crow
Волхв. Сердце
угасающей жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68524539

SelfPub; 2022

Аннотация

Этот дуб стоял здесь до того, как на благодатные земли легла тень войны. И будет стоять, когда остатки человечества сгинут в небытие, как Мировое Древо на Алатырь-камне, вечное отражение покоящейся на его плечах реальности. И Мечеславу, младшему волхву дружины темнейшего князя Святогора, иногда становилось мучительно стыдно перед дубом. За то, что они, волхвы, тянут из измученной природы последние жилы, не для того, чтобы сотворить – распределить жалкие крохи силы. А значит – забрать у кого-то, кто слабее. Остаётся только надеяться, что, может быть, однажды радостная весенняя зелень вновь распухнет на древних ветвях, и другие люди – чище, чем они...

Содержание

Старый дуб	4
Ростки жизни	7
Солнце в ладонях	11
Когти тьмы	14
Созидание и разрушение	17
Отражение	20
Быть ведьмой	22
Бесконечная восьмёрка	26
Другие мы	32
Сердце угасающей жизни	34

J. R. Crow

Волхв. Сердце угасающей жизни

Старый дуб

Солнечный лучик скользнул по лицу, дразня обещанием светлого дня. Мечеслав любил этот сон – он возвращал его в те времена, когда маленький мальчик в одной льняной рубашке бежал по свежей траве, вдыхая запахи лета. И у кромки луга его ждала мама – всегда такая красивая, в синем сарафане и косой до земли...

Шорох крыльев.

Мечеслав открыл глаза и взглянул на долину сквозь очки респиратора. Над бывшими лугами уже много лет клубился туман, горький и сырой. А солнце люди теперь видели лишь во снах – небо навек затянули грязно-серые тучи. Были ли крылья? Мечеслав прижался спиной к старой коре дуба и задрал голову, высматривая нарушителя. Потемневшие листья покачивались на скрюченных ветвях, похожих на жутковатые пальцы, жадно цепляющиеся за покидающую этот мир жизнь.

Этот дуб стоял здесь до того, как на благодатные земли

легла тень войны. И будет стоять, когда остатки человечества сгинут в небытие, как Мировое Древо на Алатырь-камне, вечное отражение покоящейся на его плечах реальности. И Мечеславу, младшему волхву дружины темнейшего князя Святогора, иногда становилось мучительно стыдно перед дубом. За то, что они, волхвы, тянут из измученной природы последние жилы, не для того, чтобы сотворить – распределить жалкие крохи силы. А значит – забрать у кого-то, кто слабее.

Остаётся только надеяться, что, может быть, однажды радостная весенняя зелень вновь распухнет на древних ветвях, и другие люди – чище, чем они, придут сюда водить хороводы.

Птица присела на плечо и сердито ухнула, коря его за невнимательность. И даже ко всему привыкший волхв не смог сдержать удивлённого возгласа: сова. Просто сова – какими они были прежде, до того, как создания разгневанной природы превратились в жутких монстров. Мечеслав осторожно погладил птицу ладонью в толстой перчатке. Та благодарно ухнула и уронила ему на колени письмо. И это было так странно: где сейчас могут позволить себе пользоваться бумагой так расточительно – всего несколько строк на целый лист!

И лишь когда до глубин разума дошло содержание, Мечеслав застыл, будто поражённый небесным громом:

Мы рады проинформировать Вас, что Вам предоставлено место в Школе Созидательной Магии в море-океане на острове Буяне.

Занятия начинаются первого дня вересня. Отправьте своё согласие с этой совой.

Сова важно выпятила грудь от возложенной на неё миссии и авторитетно ухнула. Мечеслав смял письмо и выругался:

– Придурки окаянные, это не смешно!

Что тут говорить, в его возрасте и при его должности верить в Школу Созидательной Магии, где учат дарить жизнь, а не отбирать последнюю, было просто глупо и наивно. Молодой волхв сделал пару шагов, но оглянулся. Ему показалось, или старый дуб качнул кроной, будто благословляя в дальний путь?

Что, если подумать, он теряет? Да ничего! Туман, респиратор, да чёрную ненависть к самой уважаемой и почётной в долине стезе. Мечеслав разрешил себе поверить – путь даже ненадолго. Он аккуратно расправил смятую бумагу, перевернул лист и занёс ручку, чтобы написать ответ...

Ростки жизни

Лица матери Мечеслав не видел очень давно – лишь глаза, всё такие же любящие и добрые, смотрели на него сквозь полупрозрачные стёкла очков. Иногда он думал, что может это и к лучшему: туман минувшей войны уродовал людей, внутренне или внешне – не имеет значения. А так он навсегда запомнил маму молодой – и неважно, что роскошная коса с годами превратилась в короткий светлый ёжик, а спина согнулась от горя и бедствий, обрушившихся на долину. В новом мире не было места красоте.

И когда странная птица уронила на колени молодого волхва письмо, словно говоря: «надежда есть» – единственное, о чем печалился Мечеслав – не разочарует ли маму его уход. Может, она скажет: «сын, пора перестать верить в сказки»? Или предупредит строго: «уйдёшь сейчас – и назад не воротись». И будет совершенно права: никто не будет искать сгинувшего среди диких земель, но с дезертирами у князя разговор короткий.

Но мать лишь обняла его, крепко-крепко, как в детстве, голос зазвучал ласково, несмотря на маску:

– Добрый путь, сынок. Если сможешь – спаси нас. Если нет – будь счастлив.

И сколько бы Мечеслав ни приучал себя ничего не чувствовать, одинокая слеза скатилась по щеке, намочив под-

кладку респиратора. В тот момент он верил, что обязательно вернётся – научится дарить жизнь и вернётся.

Школа Созидательной Магии ждала его.

Гонец из Школы, как условились, встречал его возле старого дуба. Он был точно так же облачён в защитный костюм – а в этих местах по-иному и нельзя. Молча кивнув в знак приветствия, он взмахнул рукой, будто открывая дверь в другой, лучший мир. И дверь открылась – сквозь искрящуюся воронку Мечеслав увидел голубое небо. Солнце. Зелёную траву. Посланник нетерпеливо толкнул его под лопатки, и Мечеслав шагнул в новую жизнь.

Кричали чайки – не злобным гоготом мстительных гарпий. То был обычный птичий клич – одна из мелодий гимна матушке-природе. Синее море лениво набегало на жёлтый песок. Мечеслав сдёрнул маску – и зажмурился, подставляя лицо солнечным лучам.

– Потом надышишься, – ворчливо поторопил его проводник. – Ждут тебя.

Крепость на горе издалека виделась, как царские палаты. Расписные терема, наличники с исконным узором – всё так правильно и гармонично, что Мечеслав начал воображать премудрых старцев в белых робах, что говорят с ветром и понимают шёпот моря. Но вдоль всего пути – никого. Будто бы скрываются до поры, а вдруг недостойным окажется но-

вый ученик? Сердце волхва сковал липкий страх: что, если впрямь нет ему прощения за былые дела?

Долго ли коротко ли, проводник втолкнул его в кабинет, где за столом сидел не благообразный учитель – человек в чёрной военной форме. Он улыбнулся, вроде бы дружелюбно, а вроде бы насмешливо:

– Новобранец, значит? Волхв? Мечеслав?

Нет ничего страшнее звона в ушах, когда мечты разбиваются о суровую реальность. Но годы в дружине не прошли даром – Мечеслав выпрямился и с холодным спокойствием произнёс:

– Я пришёл в Школу Созидательной Магии, а не военный лагерь.

Человек в форме ответил, в голосе его послышалась ностальгия и сочувствие:

– Какие времена, такая и одёжа, сынок.

Он затянулся короткой самокруткой и медленно выдохнул серый дым:

– Мы не можем, как встарь, созерцать движение небес и сажать священные рощи. Мы ведём войну – с такими бездарями, как этот ваш Святогор, Афольфус, Эрлих... надменные князьки, уверенные, что после них – хоть потоп. И поэтому я хочу спросить тебя, сынок... готов ли ты воевать за жизнь и мать сыру землю?

Да или нет? Слово «война» навсегда стало для Мечеслава самым страшным проклятием. Но за окном он видел небо и

море. И слышал крики птиц.

Он кивнул – медленно.

Военный ободряюще улыбнулся:

– Тогда покажи мне свой посох.

Волхв медленно достал из-под плаща короткий деревянный жезл. Нельзя было назвать его посохом – с ними и бегать неудобно, да тяжесть лишняя. Мечеслав сам вырезал его из ветви старого дуба – когда ещё верил, что волховское искусство правда служит добру и людям. Теперь он старался прикоснуться к жезлу как можно реже – он ощущался отрубленной рукой мертвеца, которой не позволили успокоиться и снова и снова терзают нечестивым колдовством.

– Удручает, – произнёс военный с горечью, но без осуждения. – Но это поправимо. Пусть твоим первым заданием будет вернуть этой вещи жизни. Так мы и узнаем, годишься ли ты для созидательной магии.

– Но как?! – воскликнул волхв. Если бы он знал... если бы умел...

Ответ был слишком неожиданным для человека в форме:

– Попробуй для начала поверить.

Мечеслав закрыл глаза, представляя, как тянется к жезлу тонкая сияющая ниточка. Она то и дело прерывалась, истончённая глубинным страхом... но вдруг окрепла, обрела силу и лозой оплела мёртвое древко.

Даже не открывая глаз, волхв видел, как распускаются пока что робкие, маленькие, зелёные листочки.

Солнце в ладонях

Строгая форма казалась почти невесомой.

Как жаль, что многолетние привычки нельзя стряхнуть так же легко, как маску и защитный костюм.

В светлой аудитории собралось человек двадцать. Все молодые – ещё не искалеченные дыханием скверны. Звонкие голоса, полные надежд и радостных предвкушений отражались от расписных стен. Но лица – как у деревянных идолов – застывшие, бесстрастные.

Мечеслав понимал, что и сам выйдет не лучше – разве под респиратором остаётся место для улыбки? Он недоверчиво попытался приподнять уголки губ – и вскоре бросил эти попытки. Какая разница, деревянное спокойствие, или деревянная ухмылка?

Учитель, очередной военный, увидел эти неумелые потуги – усмехнулся в пышные усы, но ничего не сказал. Лишь дождался всеобщего внимания и молодежато гаркнул:

– Полковник Черноморов, общая теория созидания! Записывайте всё, чтобы потом не забыть!

Солнечное колесо покатилося к вечеру, а Мечеслав в блаженстве пристроился в корнях дерева среди обширной рощи. Жадно вдыхая чистый воздух, он осторожно перебирал пальцами по дубовому жезлу, немому укору в прошлом, ны-

не же – доброму другу. Слова полковника Черноморова были такими простыми, что можно начинать злиться на себя, с мучительно тщательностью изучавшего колдовскую науку, но не сумевшего додуматься до таких очевидных вещей! И в то же время – разве могли эти слова родиться в долине, тонущей в ядовитом тумане?

«Вы привыкаете брать силой, требуя, вырывая из сердца угасающей земли. Но что, если попросить её, как мать, с любовью и благодарностью, неужели откажет она своим детям?»

Юный волхв вдруг поверил, что ему все по плечу: разогнать тучи над родным домом, заставить старый дуб вновь расцвести. Но нет – слишком рано. Куда ему замахиваться на то, что оказалось не под силу наставникам? Начинать нужно с чего-то простого – и в то же время радостного. Старое воспоминание, почти истёртое и забытое, шевельнулось в глубинах сознания. Когда-то был такой фрукт, ликующе рыжий, как маленькое солнце в ладонях.

Мечеслав мягко повёл жезлом над травой, прося мать сыру землю об этом подарке. И она отозвалась – волхв ощутил, как в руке наливается соком большой апельсин.

– Ух ты! – раздалось совсем рядом.

Зеленоглазая девушка выглянула из-за стройной берёзки и не таясь залюбовалась на творящееся волшебство.

– Хочешь? – спросил Мечеслав, протягивая ей своё рукотворное солнце.

– А можно?

Волхв кивнул. А девушка... улыбнулась. Сначала робко, неумело – но потом улыбка засияла, а лицо будто бы освободилось от оков, стало живым и прекрасным.

Что-то происходило и с самим Мечеславом – будто бы в груди разгорался давно погасший огонь.

Когти тьмы

Её звали Людмила, но Мечеслав упрямо называл её Милой. Слишком тяжеловесным казалось полное имя для такой лёгкой на подъем девушки, быстрее всех избавившейся от печати скорби и согревающей всех вокруг своим жизненным.

Иногда, когда заканчивались занятия, они вместе выращивали цветы. На вид такие хрупкие, они наполняли вечерний воздух дивными ароматами. Но сила матушки природы не только в красоте – и сейчас, глядя как крепко и неумолимо опутали обезумевшего злокрыса упругие лозы, Мечеслав постигал боевое искусство магов жизни.

– Людмила, отлично справилась, – немногословно похвалил полковник Черноморов и сделал запись в своём журнале. Пробежал пальцем по списку учеников: – Мечеслав, теперь ты.

Молодому волхву не терпелось попробовать свои силы в бою с чудовищем – сразиться открыто и честно, и победить силой созидания, а не разрушения. Он смело вышел в центр тренировочного поля. И когда полковник, по обыкновению, спросил:

– Тебе выпустить простую тварь или посложнее?

Он уверенно ответил:

– Посложнее!

Черноморов кивнул, и двери одного из загонов стали медленно открываться.

Когда-то, кажется, в минувшей эпохе, существо было волком. Крупный растрёпанный зверь на длинных костлявых лапах, в клочьях серой шерсти, сквозь которую прорастали роговые пластины, и с алчной зубастой пастью.

Мечеслав покрепче сжал в руке свой дубовый жезл, уже представляя, как зверь яростно прыгнет, а он вспугнёт его хороводом молодых листьев, острых, как бритва, потом опутает прочными стеблями выюнков...

Непростительная ошибка. Волк действительно прыгнул, напролом, не чувствуя боли от жалящего зелёного торнадо, или просто давно привыкнув к ней.

Волхв отскочил назад, и удар лапой пришёлся по земле.

Выюнок рассыпался, изрезанный кромками спинных пластин.

Мечеслав, чей план провалился с первых секунд, отступил ещё, но, споткнувшись, рухнул на песок.

Тварь рванулась вперёд, метя зубами в открытое горло.

Волхв выставил вперёд жезл – единственно своё оружие, и зажмурился, как наяву чувствуя, что клыки вонзаются в беззащитную плоть...

Всё кончилось внезапно. Волк лежал на боку, скуля, как побитая собака. Его могучее чудовищное тело съёжилось, став похожим на иссохшую мумию.

С жезла, доселе с каждым днём тешившего хозяина све-

жими живыми росточками, устало посыпались жёлтые, осенние листья.

Полковник удручённо покачал головой:

– Садись, Мечеслав. Двойка.

Созидание и разрушение

Двойка. Всего лишь двойка.

Не наказание и даже не строгое увещевание – просто констатация факта, что ему было поручено задание, а он не справился.

Мечеслав полагал, что за свою ошибку должен быть наказан, и очень строго. Какой из него защитник природы, если в минуту опасности посмел полагаться на нечестивое колдовство? Проклятые привычки! Проклятые рефлексы! Вот если бы можно было раз и навсегда просто запретить себе вызывать к разрушению...

Именно эта мысль загнал молодого волхва в библиотеку – среди древних страниц он искал способ защититься от прошлого. Стопка фолиантов на столе росла, часы пролетали один за другим. И вот наконец в одной из потрёпанных книг он нашёл заговор. Слова на древнем языке, зловещие и грозные. Такой простой путь к спасению души! Запечатать тьму, развеять по ветру – и молодым пробегом, чистым и прекрасным, заново начать путь в новый день – к свету.

*– Маррен мазер де! Ку он ли шей исайн! Йа кон ассашет!
Серин жи стор даррайн! Мисте дас инвен! Солид ой сихран!
О маре да ми лейн, со вир ишхет олайн!*

Получилось? Мечеслав размял пальцы и приложил ладонь к поверхности дубового стола, приказывая отдать все

свои жизненные силы. По полированной глади побежали чёрные трещины, дерево искорёжилось и почернело.

Не работает?! Но почему?! Мечеслав в гневе ударил по образовавшемуся пятну, и трухлявая стружка осыпалась на пол. В столе зияла грубая дыра, подобная оскалу жуткой твари.

– *Маррен мазер де! Ку он ли шей исайн...*

Кто-то положил руку ему на плечо. Резко обернувшись, Мечеслав увидел полковника Черноморова.

– Виновато ли оружие в том, что его применили? – спросил он. – Или рука, что направила его? Может, стоит отрезать и её тоже?

– Но я... – волхв не смог найти верные слова для ответа. – Я лишь хотел, чтобы мои бывлые деяния... Призраки бывшего зла...

– Послушай, сынок, – полковник присел рядом и ободряюще улыбнулся. – Разрушение – это часть тебя. Оно воспитало тебя, научило видеть плетение силовых линий, позволило дожить до этого момента, указала на порочный круг, в котором запутался твой князь. И теперь ты хочешь отбросить его только потому, что не справляешься с контролем? Легче в самом деле отрезать руку.

Мечеслав понуро опустил голову:

– Вы правы, учитель. Но что мне делать? Я пришёл сюда, потому что мечтал сделать этот мир лучше.

– Принять себя, – просто ответил Черноморов. – Созида-

ние, разрушение – лишь две стороны одной медали, одной жизни. Это всего лишь сила – что с ней делать, решаешь ты.

Учитель приложил руку к его сердцу.

– Я понял, – в глазах волхва вновь разгорелся начавший тревожно трепетать огонёк.

Отражение

Высокий терем Школы Созидательной Магии полон укромных уголков да тайных проходов, где можно укрыться от посторонних глаз.

Мечеслав выбрал для своих занятий пустой чердак. Его покрывала многолетняя пыль – немой свидетель того, что сюда годами не ступала нога человеческая. Наилучшее место, чтобы вдали от чужих глаз вернуть себе душевное равновесие.

Правая рука – дарует жизнь. И тянутся вверх зелёные стебли сквозь толщу насыпанной в кадку земли.

Левая рука – забирает жизнь. Волхву всё ещё претило использовать для своих опытов что-то живое, будь то зверь или растение, потому пришлось найти обрезки досок, дырявые котлы и прочий хлам, что не жалко превратить в безликую пыль.

Всё это время он внимательно следил за дубовым жезлом – распускаются ли на нем свежие почки, или чахнут листья, будто подпалённые зимней стужей.

– Замучил я тебя, дружище?

– И вовсе нет, – то ли чихнул, то ли фыркнул кто-то. Мечеслав быстрым взглядом скользнул по чердаку, выискивая, кто же с ним разговаривает. Каково же было его удивление, когда над знакомой рукоятью увидел крохотное существо,

или скорее – духа, слабо светящегося в темноте.

– Странный ты, хозяин, – тем временем продолжил дух, – то тебе меня в руки брать противно, а то так трясешься над каждым сброшенным листом. Да вот только смысла ни в том, ни в другом нет никакого. Я – не более, чем отражение тебя. Возненавидь себя – и я стану воплощением уродства. Поверь в цель высокую – расцвету, как весенняя вишня. И ещё помнишь тебе следует, что зима никогда не длится вечно, а весну всегда сменяет осень. Пытаться заставить мгновение остановиться – всё равно, что бурную реку вспять поворачивать. Дуб, из которого я был сделан, однажды зазеленеет свежей листвой. Которая потом облетит жёлтым ковром к осени. Жизнь переменчива. Лишь в смерти всё становится неизменным навеки.

Что-то гроыхнуло этажом ниже. Мечеслав резко вскинул голову и распахнул глаза. Жезл лежал у его ног – как и впредь, молчаливый.

Неужели приснилось? Но почему тогда слова духа были столь мудры и правильны?

«Я – не более, чем отражение тебя»

БЫТЬ ВЕДЬМОЙ

Школы Созидательной Магии с самого начала казалась местом, над которым не властны невзгоды. Островком мира на истерзанной распрями земле.

И когда зазвонили колокола, а наставники, чётко следуя уставу, понеслись к северному берегу, Мечеслав испытал настоящее потрясение. Неужели и здесь нельзя чувствовать себя в безопасности?

Ученикам было велено оставаться в крепости – но разве есть такая сила, что способна противостоять горячей крови и юношескому любопытству?

Волхв бесшумно – сказались годы в дружине – проследовал за учителями. Над островом, казалось, всегда было солнечное небо, но сейчас над морем нависли фиолетовые тучи, неестественные и противные, будто кто-то рвался в мир людей из тёмных глубин.

– Искажение! Поднять щиты!

Наставники знали, что происходит. Они действовали слаженно и умело – Мечеслав не мог похвастаться тем же. Из жутковатых туч на землю пролились яркие разряды чуждого колдовства. Они осыпались безобидными искрами, сталкиваясь с защитными чарами, но заклинания молодого волхва прошли насквозь, будто и не было его.

Закружилась голова. Падая, Мечеслав смог запомнить,

как заваливаются за горизонт кроны деревьев. А дальше была непроглядная пустота.

Глаза с трудом привыкли к темноте. В комнате пахло травами и чем-то сладким. Волхв приподнялся на локтях, и в ужасе устоял на свои ноги. Стройные женские ноги в полосатых чулках и туфельках с бантами.

Но в полной мере ощутить бедственность своего положения он не успел – скрипнула дверь, и раздался голос, высокий и пронзительный:

– Мойра! Вот ты где, разгильдяйка!

В дверном проёме стояла женщина, так похожая на ведьму, о которых говорилось в древних сказках: рыжие волосы, собранные в высокий пучок, крючковатый нос с в меру безобразной бородавкой.

– Каждый раз, когда мы пытаемся выкрасть одного из красавцев-мужиков с Буяна, нам не хватает силы совсем чуть-чуть! Может быть, как раз твоей! Разлеглась! Дармоедка! Вот заставлю тебя котлы драить после ритуала!

Мечеслав не знал и не хотел знать, зачем ведьмам понадобились наставники, но быстро смекнул, что выдавать себя в любом случае не стоит. Поэтому он поднялся на ноги и с непривычки покачиваясь на каблуках побрёл вслед за продолжающей ворчать ведьмой.

Котлов было не менее пятидесяти. Старые, обросшие черной гарью и покрытые отвратительными мазками фиолето-

вого зелья. И даже в общем-то не брезгливый волхв сглотнул, борясь с тошнотой.

– Чего стоишь? Забыла, как это делается?

– Мне бы тряпку хотя бы, – он в первый раз подал голос, который прозвучал по-девичьи звонко.

Ведьма всплеснула руками:

– Ты что, умом повредилась, милая племянница? А магия тебе на что?

Мечеслав продолжал непонимающе на неё смотреть, и тётушка, обречённо выдохнув, подошла к первому котлу и небрежно выпустила из кончика пальца светло-лиловый луч. После пары секунд обработки внутренняя сторона котла блестяла, как новая.

– Вот так. И не отлынивай!

Она вышла, захлопнув дверь. Проскрежетал ключ в замке, отрезая путь к отступлению. Мечеслав недоверчиво приблизился к первому котлу и попытался повторить незнакомый трюк. Чужая магия поддавалось тяжело, будто бы сомневалась в хозяине, одновременно узнавая и не узнавая его. То, на что у ведьмы ушли секунды, заняло не менее пяти минут. Первый десяток котлов Мечеслав просто осваивался с новой техникой, но, когда дело пошло на лад, в ничего не понимающей и пустой голове стали появляться связные мысли.

Первым делом, волхв проверил, способно ли это тело к известному ему волшебству. Созидание не отозвалось вовсе, от разрушения лишь слегка потемнел резной уголок стола, а

рука мучительно заныла – как в самый первый далёкий раз. Не выход. Нужно осваивать то, что есть.

Следующая мысль была ещё более неприятной – пока он прохлаждается здесь, вероятно, там, на светлом острове, в его теле расхаживает непутёвая ведьма по имени Мойра. Остаётся лишь надеяться, что наставники обнаружат её раньше, чем он сам будет раскрыт ведьмами – тогда, возможно, придумают, как вернуть всё на круги своя.

Третья мысль воодушевляла чуть больше: если нападения регулярны, может, он сумеет найти в тылу врага что-то важное, что позволит защититься от них раз и навсегда. Вот только сначала нужно дочистить котлы... или нет? Разве кто-то ожидает послушания от непутёвой девчонки Мойры?

Мечеслав огляделся по сторонам, высматривая пути отступления. Дверь закрыта – остаётся окно, а рядом с ним – как подсказка – новенькая метла. Ведьмы ведь летают на мётлах?

На подоконнике волхв стоял долго, заставляя себя поверить, что полетит, а не рухнет с третьего, как оказалось, этажа на сырую землю.

– Мойра! Куда это ты собралась, неблагодарная!

Голос тётушки стал последней каплей. Мечеслав оттолкнулся одной ногой – и вс-таки завис в воздухе.

– Стой, я ещё не договорила! – неслось вслед, но Мечеслав лишь ехидно улыбнулся, махнул рукой и медленно – пока что медленно – полетел прочь.

Бесконечная восьмёрка

Сад вокруг особняка Ковена, так они себя называли, словно застыл посреди вечной осени. Кроны деревьев улаждали взор разноцветными листьями – красными, жёлтыми, багровыми. Над забором – увитой плющом решёткой – искрились огоньки магического барьера. Он был здесь далеко не случайно – за забором начинался полумёртвый лес, полный искажённых чудовищ. Мечеслав всего единожды попытался выйти за ворота – и тут же отскочил назад, зайдясь приступом удушливого кашля. Без защитного костюма не стоило и думать покинуть Ковен этим путём.

Ещё один островок очищенной реальности посреди умирающего мира. Волхв всего один раз спросил тётушку о прогулках в лесу, за что был удостоен родственного подзатыльника и ворчливого:

– Ты и думать забудь! Костюмы эти ваши, мракобесие новомодное! Вот станет нас больше – расширим барьер. А пока учись прилежно!

Оставалось затаиться и ждать. Мечеслав быстро понял, что лучшая тактика – просто не попадаться никому на глаза. Он сменил туфли со звонкими каблучками на лёгкие тапочки – ходить сразу стало легче, зато прибавилось шуток со стороны других ведьм, особенно молодых. В особняке их жило около двадцати – трое пожилых, почти старух, вро-

де тётушки с бородавкой, шесть юных девушек-подростков, остальные – вычурно разодетые дамы средних лет. Ни одного мужчины – одна из ведьм как-то обмолвилась, что «если они хорошо себя ведут – мы их отпускаем». Мрачная перспектива, если помнить про заражённый лес.

Мечеслав с жадностью впитывал информацию, запоминал расположение комнат, что было затруднительно – иногда они непредсказуемо менялись местами – и зубрил заклинания из мрачных гримуаров. Записывать что-либо было бессмысленно – бестелесный дух не сможет взять записи с собой. Приходилось запоминать – любые сведения помогут наставникам защитить от ведьм ставший таким родным остров Буян.

В тот день он превзошёл сам себя – не столкнулся с тётушкой ни единого раза. Спать молодой волхв, временно исполняющий отсутствие обязанностей юной ведьмы Мойры, ложился крайне гордый собой.

– Мечеслав! Мечеслав, это ты?

Над головой – звёздное небо и пышные кроны старых дубов. Склонившийся к его лицу полковник Черноморов нетерпеливо щёлкнул пальцами.

Волхв коротко кивнул, и из груди учителя вырвался облегчённый вздох. Он даже не заикнулся о том, что накажет за самоуправство – лишь заботливо проводил в крепость, где Мечеслав впервые за несколько дней смог уснуть в своей собственной кровати и в своём собственном теле. Что может

быть лучше?

– Мойра! Вставай, ленивая девчонка!

Мечеслав подскочил, как ошпаренный. Неужели весь последний день был просто сном? Иначе почему он помнил эту фразу? Сейчас нет времени размышлять – вскочить на метлу, облететь дом против солнца, приземлиться на крыше – а там сквозь окно на чердак.

Оторвавшись от преследования, волхв сел на окованный железом сундук и обхватил голову руками. Может ли быть, что ведьмы своим заклятием удерживают его душу здесь, невольно или преднамеренно? Мечеслав стал судорожно вспоминать разрозненные сведения, что почерпнул из местных гримуаров. Столь масштабные заклятия должны чем-то поддерживаться. Обитательницы особняка ходят, смеются, занимаются повседневными делами, скандалят друг с другом – значит, есть какая-то вещь, какой-то артефакт. Надо его уничтожить – и больше он сюда не вернётся. Ноги сами понесли его в комнату с котлами. На первый взгляд – ничего примечательного. Травы, эликсиры, инструменты для алхимии. И хрустальная статуэтка – отголосок былых, светлых времён. От неё исходило слабое фиолетовое сияние. Вот оно! Мечеслав осторожно подтолкнул её кончиком метлы – и статуэтка рухнула на пол, будто только этого и ждала. Колдовское марево истаяло чахлым дымком. Получилось?

Как бы там ни было, нужно просто повторить свой вче-

рашний подвиг и дождаться ночи.

– Мечеслав! Мечеслав, это ты?

Над головой – звёздное небо и пышные кроны старых дубов. Склонившийся к его лицу полковник Черноморов нетерпеливо щёлкнул пальцами...

– Мойра! Вставай, ленивая девчонка!

Мечеслав чуть не взвыл от досады. Статуэтка была не одна? Он не угадал? В любом случае, план прежний – метла, окно, чердак. Если он и впрямь угодил во временную петлю – у него будет сколько угодно попыток. Но эта мысль нагоняла лишь злую тоску. Ему не нужно сколько угодно! Он хочет домой – прямо сегодня, прямо сейчас! Волхв с нехорошей усмешкой подумал, а что будет, если ближе к вечеру отойти подальше от особняка – в лес, надышаться горьким воздухом – может там чары потеряют силу? Но тут же одёрнул себя – разве девочка Мойра виновата в том, что он бездарно попал под ведьмовские заклятия? А ведь она даже не участвовала в ритуале. Нет, надо придумать что-то другое. Например – сломать все, до чего сможет дотянуться...

Особняк Ковена наполнился истошными криками – Мечеслав больше не видел причин скрываться. Мебель можно подлатать – не жалко. Он носился по залам и лестницам, разрушая всё на своём пути – в дело шли и магия, и метла, и подвернувшиеся под руку тяжёлые предметы.

– Ангела! Ангела! Угомони свою дочь! – в исступлении орала тётушка. Беловолосая ведьма – кто бы догадался, что это мать Мойры? театрально падала на уцелевшие кресла, прикладывала ладонь ко лбу и полным драматизма голосом восклицала:

– Ты меня в гроб вгонишь, дитя!

К вечеру особняк напоминал поле боя.

Спать Мечеслав ложился в дальнем углу сада под кустами смородины, мысленно извиняясь перед Мойрой за ожидающий её нагоняй.

– Мойра! Вставай, ленивая девчонка!

У Мечеслава опустились руки. Он даже сегодня не стал убегать – распахнул дверь и дерзко выпалил тётушке в лоб:

– Да не Мойра я, ясно? Меня забросило в её тело вашим паскудным заклинанием! Немедленно верните меня обратно на Буян!

Ведьма изменилась в лице:

– Не Мойра? – переспросила она растерянно и даже испуганно. Куда подевалась крикливая командирша?

Когда тётушка озвучила эту новость Ковену, ведьмы ахнули. Ангела опять картинно завалилась на диван.

Десять минут – и большой холл превратился в библиотеку, спустя пару часов в зал ритуалов.

– Возвращайся назад! – последнее, что услышал Мечеслав, – и верни нашу девочку!

Мир окрасился чёрным и фиолетовым.

– Мечеслав! Мечеслав, это ты?

Над головой – яркое солнце, безоблачное небо и пышные кроны старых дубов. Почему-то в этот раз юный волхв знал – в дом Ковена он больше не вернётся.

Другие мы

Высокие башни тянулись ввысь, будто стремились поспорить в недостижимости с небом. Уютное кафе у их подножия называлось «Чародей-дуб» – в честь раскидистого дерева, невесть как уцелевшего в царстве стекла и металла.

Молодой человек лет шестнадцати неторопливо допивал холодный кофе. Высокий, не по годам статный, он завязывал свои русые волосы в короткий хвост, а одежду невнимательный наблюдатель мог принять за военную форму. Юноша мысленно посмеивался над названием кафе – какой такой чародей? Только ребёнок верит в чудеса. Взрослый человек, которым он себя уже считал, точно знает, что магии не существует. Да и потом, современная наука способна сотворить все, если не больше – никакое волшебство в подмётки не годится.

И все же им владело странное беспокойство. Будто бы сегодня должно случиться что-то важное. Юноша заказал ещё одну чашку кофе – третью на сегодня, ругая себя на чем свет стоит, что незримые ли силы, собственная ли блажь привели его в это странное кафе в центре города.

Цокот каблучков. Рыжая девушка в пышном, немного старомодном, но красивом платье грациозно прошла мимо него, глядя на барную стойку. Лишь на секунду она остановилась, поравнявшись с его плечом. Наклонилась к уху и ти-

хо прошептала:

– Пусть другой ты в другой реальности знает, что другая я, Мойра, обязательно к нему вернусь.

Она улыбнулась и исчезла за дверью, ведущей в глубину кафе. Юноша залпом допил свой кофе...

Где-то в другом мире волхв Мечеслав, обедающий со своими сокурсниками за дубовым столом, накрытом скатертью-самобранкой, поперхнулся и поспешно глотнул морковного сока.

В голове вдруг прозвучало, насмешливо и в то же время нежно:

«Я обязательно к тебе вернусь»

Сердце угасающей жизни

Первокурсники Школы Созидательной Магии стояли полукругом в глубокой пещере, поросшей кристалликами синего льда. Запах разложения ввинчивался в ноздри даже сквозь респираторы.

Посреди пещеры слабо мерцал тусклым мертвенным светом большой камень, а у его подножия бил ключ – мутно-коричневая вода, от которой шёл тошнотворный пар.

Полковник Черноморов печально фыркнул сквозь маску и рассказал:

– Вы видите перед собой то, что в землях Святогора называют Алатырь-камнем, люди Афольфуса кличут источником Урд, но в действительности это – колыбель созидания и разрушения, сердце жизни. Многие века это место было запечатано от людей, пока однажды тот, чьё имя было стёрто из всех свитков, ибо вовек решено именовать его Чёрным Врагом, не решил использовать сердце в качестве оружия. Здесь началась Великая Война и здесь же она закончилась. Но с тех пор земля осквернена, а у природы нет сил, чтобы возродиться. Пройдут многие века, прежде чем сердце забьётся вновь.

– Это чудовищно, – всхлипнула Мила и протянула руку, словно хотела ободряюще погладить холодный камень.

– Не трогай, – окрикнул её полковник. Девушка поспешно

отдёрнула ладонь.

– Сейчас мы ничего не можем сделать, – тем временем продолжил Черноморов. – Я привёл вас сюда лишь для того, чтоб вы увидели, насколько опасна магия в руках неразборчивого в средствах. Посмотрите внимательно – и уходим отсюда.

– Сынок... – как наяву Мечеслав услышал тихий, ласковый голос матери. – Спаси нас...

Кто говорит с ним? Или это ему чудится? Он плохо закрепил респиратор, и теперь туман играет с ним злую шутку?

– Сынок...

И волхв с изумлением понял, что голос исходил... от камня. На тусклых гранях промелькнула тень руки – она лишь поманила его пальцем и исчезла среди безжизненного свечения.

Более не владея собой, не слыша приказов наставника, легонько расталкивая опешивших сотоварищей, Мечеслав вплотную подошёл к камню и прижал руку к холодной грани.

Пещера изменилась: среди холодных льдов проросли диковинные цветы, каких никогда не сыщешь на поверхности, источник наполнился водой, прозрачной, как стекло, а камень светился тёплым и ярким светом, умиротворяющим душу – светом надежды.

Перед камнем стоял человек – Мечеслав не видел его лица, будто-то бы кто-то смыл с него краску. В руках человек

держал посох – длинный, лаконичный, увенчанный мерцающим красным камнем.

– Отец, отец! – мальчишка чуть помладше Мечеслава бежит по узкому проходу. – Отец ты...

– Не мешай повелителю! – двое солдат ловят его за плечи и волоком утаскивают прочь из пещеры.

Человек медленно выдыхает и направляет свой посох к сердцу жизни:

– Подчинись моей воле!

Мир обернулся пустотой, где не было ничего, кроме медленно угасающего камня. Потом Мечеслав заметил, что он не один в пустоте: множество людей, молодых, умудрённых годами, в старых одеждах, в защитных костюмах, так же как он клали ладони на кристальные грани. Они молчали, но волхв все равно слышал голоса:

– Пусть левый солдат выстрелит во Врага...

– Пусть сломается посох...

– Пусть...

И Мечеслав отчётливо понял, что ему предлагают изменить прошлое – как давали шанс многим до него. Одна маленькая деталь – и сердце не будет разрушено. Самый простой и вроде бы очевидный способ – убить Чёрного Врага. Но глупо предполагать, что никто не додумался до такого решения. Может, это слишком грубое вмешательство в ткань времени. А может – на его место встанет его друг, брат или сын?

К тому же временная петля ведьм научила волхва, что иногда не стоит надеяться на силу. Может, и тут попробовать?

– Я хочу... чтобы мальчик успел сказать отцу то, что он хочет, – мысленно пожелал Мечеслав.

Вновь пещера, освещённая уютным сиянием.

– Отец, отец!

Один из преследующих пацана солдат споткнулся, толкнул своего напарника и оба рухнули на пол.

Мальчик подбежал к отцу и вцепился в полу форменного пиджака:

– Отец, пожалуйста! Маме совсем плохо! Лекари обманули тебя – они ничего не умеют! Только ты сможешь её вылечить! Идём со мной!

И Чёрный Враг медленно погладил сына по голове:

– Конечно идём. Зачем мне весь мир без вас с мамой?

***

Наставник по общей теории созидания, белый маг Черноморов поправил воротник белой рубашки и медленно прошёлся вдоль ряда учеников.

– Все вы помните, что сегодня к нам для обмена премудростями прибывают воспитанницы Института Ведьмовства и Ворожейства. Мне нужно напоминать, чтобы вы вели себя

достойно перед заморскими гостями?

Мечеслав слушал в пол уха – всё его внимание было приковано к двери, в которую уже стали потихоньку просачиваться молодые ведьмочки в туфлях с бантами и пышных платьицах. Он ждал её – девушку, в чьём теле ему пришлось провести несколько дней. И дождался – Мойра вышла предпоследней, подталкиваемая под лопатки все такой же грозной тётушкой.

Из всех однокурсников Мечеслав единственный помнил про сердце угасающей жизни, Великую Войну и туман, среди которого нельзя ходить без защитного костюма. Но в то же время наделся, а в какие-то мгновения даже был по-настоящему уверен – а что, если она тоже помнит?